

Максим ЕРШОВ ПЛАЧУЩИЙ СФИНКС

«...так мы и живём сегодня: всеобщая неразрешимость, эра плавающих теорий, вроде плавающих валют»

«...необходимо превзойти систему в симуляции»

Ж. Бодрийяр

«Символический обмен и смерть»

Некогда в «Ведах» был сформулирован главный человеческий вопрос: «Что есть то, зная что, мы будем знать всё?». В эпиграф вынесена сентенция, которая может быть прагматическим ответом на древний духовный запрос наивного сердца. Как видно, история оставляет в нас неизгладимые последствия. Медленно и неотвратно, сквозь века молитв, потом возрождений, потом просвещений и окончательных раскрепощений, – мы становимся циниками, полными отвращений, чья рефлексия – идиосинкразия.

Писатель Пелевин влияет на современную литературу. По российской литературе это не очень заметно, но я верю, что в конце концов без этого не может обойтись – пусть мы тут и подтормаживаем на полвека, тем не менее – не тупые же мы? Незнание литературных законов не освобождает от ответственности. Мы можем наплевать на колониалистский пелевинский индуизм, но в остальном-то, и немало, – сколько не отворачивайся от каравана, идущего по главному маршруту наших горьких дней – караван будет идти, проторивая маршрут. Оставляя просеку в шевелении майи, оставляя некоторый затухающий просвет.

Правда, и путь не даётся даром. Это видно по глазам погонщика, в которых, напополам с ассирийской непреклонностью, застыла древнерусская тоска. Пелевин гонит и гонит свою ежегодную колбасу... нет, он сопровождает её, производя ежегодное прилюдное рассечение. Взмах ятагана – и вот они, кишки современности. Есть ли занятие более трудное и благородное?

Колбаса современности (вот он, апофеоз наших достижений!) на срезах своих являет стабильность, небогатую ежегодными отличиями. Разве что она становится всё более остра и солоната, делается жёстче и суше, будто салями. Если представить, что частички жира (или чего-то там более светлого, чем нечто более тёмное) в континууме колбасы – это человеческие лица, то они кричат, словно на американских горках.

И наблюдающий содрогается. Потому мы и видим, и читаем нечто большее, чем «дыхание таланта в отдельных строчках».

В соответствии с заветами старой-доброй литературы, Пелевин пишет одну и ту же книгу о своей любви-ненависти, о своей дружбе-вражде с бытием,

издателем и мечтой. Книга «Непобедимое солнце» в ряду его работ последних лет выступает: она похожа на взбитую подушку. Кроме морского воздуха и ярких перьев модной любви (с «Птичьего двора»), в новой книге много песка и пыли, поднятой сандалиями античных героев. «Непобедимое солнце», может быть, это башня, своим возвышением отображающая поворот длинной крепостной стены, выстроенной ранее. Правда, башня эта ещё не Спасская. Обращение к поздней античности, во-первых, это возвращение к истокам. Пелевин по-прежнему, уверенно, неподражаемо и классно работает в жанре менипшовой сатиры. Что во-вторых, скажу после.

А пока давайте представим себе вот что:

РАЗГОВОР ПИСАТЕЛЯ ПЕЛЕВИНА С ИЗДАТЕЛЕМ

- Добрый день, Виктор Олегович! Ну как, создалось?
- А то как же? Всё по уговору и... ну вы знаете.
- То есть все ключевые для всех нас посылы как всегда проходят красной нитью?
- Безусловно! Вся Рашка-замарашка представлена во всём круге проблем реформирования. Как того требует передовая мысль и литературный процесс.
- Отлично, отлично.
- Даже есть открывающий всё это мемчик.
- Да? Озвучьте-ка...
- «Патриархальная педофильская деспотия третьего мира».
- Ух ты! Жёстко. Ну, мы понимаем, что литературное творчество, достойное... м-м-м... хорошего тиража, должно обладать всеми качествами современного, открытого взгляда и честной, бескомпромиссной мысли... Так? У нас там на повестке в этом году стояли ценности семьи и даже самого господ бога. Что вы думаете на эту тему?
- Я думаю, семья это союз мужчины и женщины, который возможен, если оба пола тянутся друг к другу и готовы, так сказать, к уважительному сотрудничеству.
- Верно, верно...
- Но люди должны видеть, кто и на что их, собственно, подписывает.
- И думаете, увидят?
- Как знать заранее? Но...
- Давайте что-нибудь для примера.
- *«Парень цикличен, как стиральная машина. Его личность, как правило, – это плохо написанное программное обеспечение к небольшому члену».*
- Крепенько! Трудно увидеть в таком существе источник женского счастья. Уверен, что-то есть ещё в этом духе?
- Конечно.
- Та-ак, а что с женским полом и его проблематичной сущностью?
- Само повествование у меня идёт от лица блондинки-москвички. И вы понимаете, что подобное существо в итоге не может вызывать иллюзий насчёт

возможности его умиротворения и не вызывает никакого желания связывать жизнь с этим... м-м-м... манипулятивным агрегатом, инструментом глобального рынка в вашем личном пространстве.

– Понимаю. Хорошо. А не перебарщиваете ли вы? Ведь уже не первый год вы наносите удары по, скажем так, вечной женственности... Не буду скрывать – да и не имею на то права – нам уже поступают сигналы, которые мы не можем игнорировать. И ещё: абсолютное большинство ваших читателей – женщины.

– Знаете, в этот раз я решил отчасти изменить угол взгляда. Эта книга – именно о женщинах и даже их любви. Ну, во многом. Больше того – Непобедимое солнце – это и есть наша современная, активная, интеллектуальная, посещающая ретриты и потому инновационная для этой страны – хотя и вечно свободная – женщина. Женщина – гюрза. Женщина – крепость. Женщина – ритм эн блюз. Словом...

– Будем считать ваши грехи перед читательницами делом прошлым. Хорошо. Что с вопросом о боге? Страна проголосовала – интеллигенция должна чем-то ответить.

– О, (снисходительно улыбаясь) и здесь не извольте волноваться! С этим у нас как всегда полный порядок. Бога навалом. Но это ни разу не православный бог из РФ! Ну... вот. Нечто общее:

«Мы все работаем у бога штативами для селфи. Бог доверяет тебе видеть за него твой участок реальности. Как бы работать на специально выделенной грядке».

– Ах вы чудесник! И ведь не «камерами» – а «штативами для селфи»! Сказать правду, но так, чтобы она отталкивала, как грязный лёд на тротуаре, – это талант, это bravo! Ну а что-нибудь ближе к нашим грядкам?

– Пожалуйста: *«Я уже говорила, что не верю в бога в том смысле, в каком в него верят воцерковлённые граждане: вот есть-де такой прописанный в Конституции грозный дух, интересы которого в нашей стране корпоративно представляет епархия... хотя на этой же поляне работают и другие эксклюзивные дилеры. Духа, что интересно, никто не видел, все видели только дилеров...».*

– Ага! Изрядно вы их так... прикладываете.

– Есть ещё: хоть про истину, хоть про клерикалов. Желаете?

– Виктор Олегович! Неужели вы допускаете, что я в вас не уверен? Мы просто соблюдаем формальность. А вот что с рашкой-замарашкой нашей – как и прежде – бьём по истории, правящему слою, чувству перспективы?

– Да, бьём! Никто кроме нас, хе-хе.

– А ну-ка...

– Обратимся к сердцу проблемы – к индивиду с паспортом РФ. Вот критика реальности, которая стала константой: критика, отражающая реальность, которая не будет меняться уже никогда. Критика, которая столь правдива, что на очередном обороте становится ложью...

– Потому что это критика, в общем-то, укрепляющая критикуемое?

– Думаю, да. Ну вот: *«Глупо даже задавать вопрос, во что я верю. Я не верю, я подписана вместе со всеми продвинутыми молодыми индивидуумами. На*

что? На продвинутость. А в чём именно она заключается в данный момент, спрашивать надо не у меня, а у маркета».

– Узнаю опытного факира! Сказано всё так, что даже не дёрнешься, не подумаешь дёрнуться – ибо это бессмысленно. Но это индивидуально-инновационный аспект. Это отсылает больше к нашим старшим партнёрам, хотя подводит красноречивый итог изменениям в... то есть в большей мере мы можем отнести описанное вами явление полного отчуждения индивида насчёт иных... центров формотворчества. Поэтому давайте всё-таки ближе к родным пенатам.

– Без проблем. Вот несколько формулировок:

«Вся наша история – это такой обгорелый подвал с трупами, геноцид нон-стоп, на который время от времени приходит помочиться какой-нибудь маркиз де Кюстин... Россией со времен Орды правят организаторы и бенефициары этих трупоподвалов. И больше всего на свете они хотят с маркизом де Кюстином дружить. Потому что культурный досуг в Париже, юг Франции и вообще». Здесь я разгоняю демотивирующий стресс.

– Вы этим славитесь! Этот ваш фирменный стресс похож на пресс – на могильную плиту национального самосознания. За что вы нам, Виктор Олегович, всегда, от начала начал, были бесконечно дороги! Что ещё предложите?

– Да вот, здесь же... *«Мировые СМИ нельзя сравнивать с российскими. Это, знаете, как могучий слон, идущий куда-то по своим делам, и суетливая моська, которая бежит у него между ног, визжит, гавкает и иногда останавливается, чтобы пожрать слоновье дерьмо. Это, вообще говоря, её единственная пища. В Америке бывают новости, потому что там есть политика. У нас, слава богу, политики нет – только интриги в многопартийном министерстве двора. Культуры нет тоже, и тоже слава богу, потому что подумать страшно, какая она была бы».*

– Словом: умри, Денис, – ты проклят от рожденья!.. Х-ха! Оставим-ка затею с нелепым экзаменом. Я вас узнаю в полном объёме. Да и консультанты снизу уже доложили, что с нужными посылами в целом всё в порядке. Правда, ребята немного запутались – им показалось, что в вашей новой книге больше обычного противоречий, так что они там до сих пор не пришли к единому мнению насчёт того, можно ли считать ваше произведение однозначно нашим. На сей раз мы это опустим. Большой мастер имеет право на точку зрения. Тем более, не имей он её – кто же будет ему верить? А, Виктор Олегович?

– Кредо есть кредо, реноме есть реноме. Имя есть имя.

– Ничего. Надеюсь, что, низвергая проклятый старый мир во всех его ипостасях... вы не забыли о новом мире?

– Так ведь, только полное отрицание старого готовит дорогу новому. Я прекрасно помню о наших новых задачах. Полистал даже Майкла Талбота, Прокопенко посмотрел. И работаю над соитием калифорнийского кремниевого неогностицизма и вечного колониального Брахмана. Соитием их в атмане и через атман... Если вы понимаете, о чём я. Словом – числа проступают в духе. Новая религия...

– Именно это я и хотел знать. Наши консультанты ещё подтянутся, подучат матчасть. Что-то они там плутают, кажется...

– Надеюсь это поможет исчерпать все недоразумения.

– Безусловно... Итак, ваша работа принята. Оплату вы будете получать в прежнем порядке. У вас есть какие-то пожелания?

– Да в общем, нет. Благодарю вас за заботу.

– Тогда желаю вам всего наилучшего!..

...И всё-таки взгляд Издателя в пелевинскую спину был чуть более задумчив, чем обычно. Взгляд же самого писателя с большой буквы, когда он сел в машину и тяжело вздохнул, был полон ассирийской ненависти и древнерусской тоски. И немного похож на взгляд Бьорндалена с очередной медалью на шее...

(Данный драматический диалог дорог нам как пример. Он мог бы быть доведён до форм шекспировских. Но не судьба. Принципы понятны и так.)

Было дело, Виктор Пелевин посетовал, что критики даже не делают себе труда как следует изложить сюжет его романов. Должен ответить на это, что пересказ сюжета – это самое нелепое, что можно тут предпринять. Да и какой же это сюжет? Это скорее фабула: проволочный каркас для новогодней ёлки, смысл которой всё же в тех игрушках и гирляндах, которые на неё повешены. Игрушек и гирлянд в «Непобедимом солнце» – вдоволь. Вторая линия романа (во снах) – словно в «Мастере и Маргарите», но только и Пилат и Иешуа – одно целое, и это римский император. Ну а что до всех мистических древностей, сущностей виртуальных миров, многочисленных сарказмов и фантазмов... Тут Пелевин есть Пелевин: *«нездесьний объект, спонтанно парящий над рыночной суетой, изумляя своим величием и наделяя высокой избранностью всех, готовых припасть к нему как к роднику...»*.

Кажется, впервые Виктор Пелевин дал произведение, которое удобно сделать крутым фильмом. Кроме Булгакова отчётливо вспоминается «Код Да Винчи» Дена Брауна. Но будем справедливы: «Непобедимое солнце» круче настолько же, насколько в целом Пелевин круче Брауна.

Интересно, откуда российский писатель получает свои инсайты. Одна из героинь Божественная Премудрость София встречается с главной героиней Сашей Орловой в храме Святой Софии в Константинополе. То есть в аккурат перед возобновлением в ней мечети Аль-София. Момент настолько же важный для сюжета, насколько он важен для состояния дел в мире. Спустя месяц после того, как «Непобедимое солнце» было дописано...

...Св. София приходит в мир, потому что настало время. Это то самое «вторых», о котором я говорил выше в связи с выбором В. Пелевиным позднеантичного постмодерна в литературе – мениппеи – как магистрального пути в своём творчестве. Пелевин нашёл Мениппову сатиру, словно старую римскую дорогу на Дунае (истоки жанра, говорят, уводят аж до Борисфена, т.е.

до Днепра, что ещё более круто). И обнаружив её, он проникся ею не случайно. Древний постмодерн в литературе по времени предшествовал триумфальному шествию христианства по городам и весям Первого Рима. Думаю, Пелевину помог с находкой Бахтин. Но сделать молниеносный – и единственный (и неповторимый) выбор мог, конечно, только он сам.

«Непобедимое солнце», может быть, подводит итог этого долгого пути. В том смысле, что автор, наконец, возвращается во времена стоицизма, эпикурейства, неоплатонизма, гностиков. Время «Иудейской войны» Флавия. Время духовных тупиков, распятий и прозрений. Когда достигнув дна, мир нашёл в себе силы оттолкнуться, чтобы сделать новый шаг вперёд. После Веспасиана, Тита, Каракаллы и Элагабала явился Константин Великий. И состоялись первые Вселенские Соборы.

Вот и сегодня. Сатира Пелевина, раз за разом посвящённая состоянию мира и домена Ru в частности, вызвана тем запахом горящей оплётки электрических кабелей бизнеса, что лет тридцать бьёт всем нам в ноздри. И с этим надо что-то делать. Избавят ли нас числа и цифры от самих себя и этого запаха – дурного, как бесконечность? Или пора человеку выбраться в пространство *перед* экраном и крикнуть Корпоративному Киномеханику: *вырубай, рубай свою проклятую плёнку!*

Если воспользоваться одним из известнейших символов, Пелевин предлагает разделить треугольники, составляющие звезду Давида. Выдернуть дух из материи – Брахмана-атмана из пракрити. Чтобы прекратить всю эту жёсткую комедию. Или же... надо начать новую Новую эру.

И тогда словосочетание «Непобедимое Солнце» приобретает третий смысл – кроме тех двух, которые предложил его автор. Вот почему столь пристально посмотрел в спину нашему воображаемому Писателю наш воображаемый Издатель...

...В своём изгибистом и извилистом, как всё французское, эссе «Америка» Жан Бодрийяр писал: «Хорош любой идиотизм, хороша любая идиома». Да, всякий идиотизм хорош, если нет *места для правды*, с которого она может быть *услышана*. Хороша всякая идиома – если дело только в том, чтобы дискурс продолжался. Бодрийяр, в отличие от многих, пытался быть правдивым. Часто – чаще иных – Бодрийяру это удавалось. Пелевин его достойный, возможно – достойнейший последователь. Сам феноменальный сарказм писателя не может быть понят однозначно. Онтология его сложна. Щека сфинкса дёргается под лучами «химиотерапии», бесконечные сеансы которой проводят над населением наши СМИ (четвёртый вариант прочтения идиомы «Непобедимое солнце»).

Поэтому напоследок нельзя не отметить самое смешное и самое страшно-реалистическое в книге о Непобедимом Солнце. Это история Пелевина о попытке современного автора Антоши написать роман онегинскими строфами, составленными из кликбейтных заголовков интернет-СМИ. Вот такими:

«1.1 Петербуржец пригласил девушку на свидание и показал ей труп.

1.2 Россиянам предложили пожить в железной бочке.

1.3 Темнокожий певец поборолся с размером своего пениса при помощи сэндвича.

- 1.4 Енот-полоскун нализался глинтвейна и погиб.
 1.5 Россиянин избил жену и восьмимесячного ребёнка ведром.
 1.6 Вместо съеденного акулами серфера нашли съеденного ими дайвера.
 1.7 Россиянин истязал соседей конским ржанием.
 1.8 Преступник на розовом самокате отнял у москвича фаллоимитатор.
 1.9 Россиянин побил ребёнка из-за осанки, решил успокоить его и задушил.
 1.10 Расчленивший журналистку изобретатель женился на уроженке России.
 1.11 Увезённая в Азербайджан лесбиянка рассказала о жизни на цепи.
 1.12 Евдокия Мохнаткина согласилась на откровенные съёмки.
 1.13 Выживших на банной вечеринке россиян позвали на шоу и обозвали дебилами.
 1.14 Решена загадка зарождения сознания в мозге.»

Оцените, что делает Пелевин! Оцените изобразительную силу и духовное значение этой «хохмы». Оцените горечь слёз, которые служат фильтром этому гомерическому смеху. И тогда вы поймёте, почему мои заметки имеют такое название. Сфинкс плачет потому, что древнерусская (скифская) тоска в нём сказалась сильнее ассирийского рационализма. Словно в Ниневии.

P.S. Вспоминал и вспомнил, и отыскал: Сергей Булгаков, «Философия хозяйства», 1912 г.:

«Человек как око Мировой Души, насколько он имеет в себе луч из этой плеромы Божественной Софии. Лишь «солнечность» его глаз (по известному выражению Плотина-Гёте) позволяет ему видеть солнце. Но он познаёт в истории, в эмпирии, в мире дезорганизованного, хаотического, лишь по частям организующегося космоса. Поэтому в своей эмпирической форме он есть лишь фрагмент самого себя, который притом закрывает этой своей фрагментарностью его высшую природу, хотя через него же она и открывается. Вне этого источника света – непроглядная тьма, нет ни знания, ни даже первоначального различия. Конечно, тусклый ночник слабо напоминает нам о солнечном свете, и однако это тот же самый, той же природы свет, который происходит из одного источника света, изливается из того же солнца».

«Плерома» значит «божественная полнота». Прочтите эту цитату трижды, и как только вам покажется, что вы поняли, о чём речь, – начинайте чтение «Непобедимого Солнца». А раньше – ни-ни... Толку не будет.

2020, Белгород

Статья опубликована в журнале "Москва", №2, 2021.